

Роджер Мурхауз

**Перемещение восточной границы
«Третьего рейха» и переселение населения
(английская точка зрения)**

Изгнание немцев из восточных провинций «Третьего рейха» началось в серьезных масштабах в январе 1945 г. Правда, советские войска уже осенью 1944 г. перешли границу Восточной Пруссии и при этом начались первые «дикие» изгнания, но затем последовала пауза. Советские подразделения ждали на линии Вислы, пока будут освобождены балканские страны и после поражения Варшавского восстания уничтожены национально ориентированные поляки¹. Сообщения о советских жестокостях, например, об убийстве 74 человек в Неммерсдорфе 20 октября 1944 г.², заставили миллионы немцев бежать от наступавшей Советской армии. Некоторые, однако, остались в родных местах. По оценкам ряда источников, бегством спаслись только 25% жителей Восточной Пруссии – немцев по происхождению³.

Изгнание поляков шло уже полным ходом. В восточных провинциях бывшей Польской Республики, захваченных Со-

---

¹ J. Thorwald, *Es begann an der Weichsel*, München 1995, S.14 ff.

² A. de Zayas, *Die Anglo-Amerikaner und die Vertreibung*. Frankfurt/Main 1988, S. 80.

³ Подсчеты на примере Восточной Пруссии. Vgl. Bundesministerium für Vertriebene (Hg.), *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Osteuropa*. Bonn 1954.

ветским Союзом, на протяжении многих месяцев осуществлялась тщательная и жестокая сортировка населения⁴.

В январе 1945 г. возобновилось продвижение Советской армии на Запад. 17 января Варшава была, в соответствии с официальными сообщениями, «освобождена». Четыре дня спустя авангард советских войск достиг границы Силезии. 13 февраля был окружен главный город Силезии Бреслау (Вроцлав). Немецкое присутствие на Востоке Европы близилось к концу. Изгнанные из *кресов* поляки (*кресы* – так в межвоенной Польской Республике назывались многонациональные пограничные районы. – Прим. перев.) были отчасти уже в пути, готовясь заменить немцев. Культура и история обеих этнических групп была стерта из исторической памяти их прежней родины. В конце XX в. происходившее назвали бы, используя эвфемизм, «этнической чисткой».

Примерно в то же время представители трех великих держав встретились в Ялте. Стороны договорились о разделе побежденной Германии, об установлении в этой стране демократического строя и о взимании соответствующих репараций. Представители держав-победительниц заявили, что Польша получит значительные территории на севере и западе в качестве компенсации за территориальные потери на востоке. В коммюнике, однако, ничего не говорилось о том, что должно произойти с этническими немцами, проживавшими на этих территориях. Не упоминалось также и о судьбе поляков, изгнанных из *кресов*. Было подчеркнуто, однако, что «окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции»⁵. Несмотря на слова, история пошла собственным курсом. Заявления представителей держав были выдержаны в таком стиле, будто они, невзирая на потоки беженцев, всё еще считали вопрос о границах открытым.

---

⁴ Ср. J. Siedlicki, *Losy Polaków w ZSSR w latach 1939-1986*. Londyn 1987.

⁵ *Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов*. – Изд. 3. – М., 1971. – С. 191.

Пять месяцев спустя лидеры великих держав встретились снова, на этот раз в Потсдаме, у ворот столицы побежденной Германии. Вопрос об изгнанных поляках не стоял на повестке дня. Один из английских делегатов резюмировал позицию Лондона по данной проблеме, сделав это кратко и в высшей степени глупо. Он сказал: «Нас совершенно не касается, что СССР хочет сделать с завоеванными народами»⁶. Вопрос о восточной границе Польши, представлявший собой щекотливую тему в отношениях между союзниками, не обсуждался. Он был решен уже на Ялтинской конференции – в соответствии с представлениями Сталина.

Напротив, вопрос об изгнанных немцах снова оказался на повестке дня. Английские участники конференции во главе с Черчиллем предложили снять вопрос об изгнании с повестки дня или передать его на обсуждение происходившего в то же время заседания министров иностранных дел. Это второе предложение было принято, и министры иностранных дел договорились подготовить изгнания, согласовав порядок их проведения с правительствами соответствующих государств⁷.

На сей раз Польше предлагалась временная граница, проходившая «вдоль Одера, до его впадения в Нысу-Лужицкую и далее до чехословацкой границы». Окончательное решение, как и ранее, должно было быть перенесено на будущую мирную конференцию, но территории к востоку от предложенной линии границы были поставлены под польское и советское управление.

Вскоре после этого, в октябре 1945 г., стала ясна практическая процедура изгнания. В сообщении Союзного контрольного совета в Берлине предлагалось «все немецкое население, которое должно быть удалено из Польши»⁸, в принудительном порядке выселить оттуда. На протяжении 8 месяцев предполагалось вывезти миллионы людей. В Потсдаме не было

---

⁶ N. Davies, *Rising '44*, London 2003, p. 440.

⁷ Ср. Н.А. Perrson, *Rethorik und Realpolitik, Großbritannien, die Oder-Neiße Grenze und die Vertreibung*. Potsdam 1997, S. 83 и далее.

⁸ N. Davies, R. Moorhouse, *Die Blume Europas*. München 2002, S. 517.

дискуссий, равно как и согласованных решений, касавшихся изгнания поляков.

Численность изгнанных все еще является предметом спора. Вполне вероятно, что в целом изгнание затронуло примерно 20 млн. человек. Количество польских граждан составило 2 млн. Данные о численности немцев представляются более проблематичными. Сталину хотелось верить, что в восточных провинциях Польши немцев больше нет⁹, но он заблуждался. Немецкие союзы изгнанных говорили о 16,4 млн. чел.¹⁰, а боннское правительство называло число почти в 12 млн.¹¹ Количество людей, прибывших из послевоенной Польши, составило почти 7,9 млн. Из одной только Силезии происходило примерно 4,7 млн. беженцев¹².

Сколько бы миллионов людей ни затронуло изгнание, их опыт, как поляков, так и немцев, часто был одинаковым и заключался в ограблении, нищете, голоде и смерти.

Мужчин, женщин и детей плотно набивали в вагоны, которые закрывались, отрезая людей от внешнего мира. Так их и везли, целыми днями и неделями... Я сам видел, как вынесли десять трупов. Некоторые люди сходили с ума. Другие оказывались испачканными собственными испражнениями¹³.

Или:

Многие люди [долгое время] ничего не ели. У нас было несколько высохших макарон, но мы не рискнули допустить, чтобы кто-то увидел, как мы их ели... Животные гибли от недостатка воды и корма. Все чаще мы, проезжая, видели у дороги примитивные деревянные кресты, которые были сделаны из вагонных досок, чтобы показать, где похоронен репатриант»¹⁴.

---

⁹ *Ibidem*, S. 517.

¹⁰ A. de Zayas, *Anmerkungen zur Vertreibung*. Stuttgart 1986, S. 120.

¹¹ H.A. Persson, *op.cit.*, S. 26

¹² *Statistisches Jahrbuch der Bundesrepublik Deutschland für 1960*, S. 55.

¹³ N. Davies, R. Moorhouse, *Microcosm, Portrait of a Central European City*. London 2002, p. 422.

¹⁴ *Ibidem*, S. 530.

Немецкое гражданское население почувствовало на себе всю тяжесть презрения к человеку, которое было проявлено за границей его соотечественниками-солдатами. Польскому же гражданскому населению пришлось расплачиваться за причуды географии и истории, расположившие их страну между нацистской Германией и Советским Союзом.

Английское «видение» изгнания было сложным. Большинству англичан было совершенно неизвестно то, что произошло с поляками. Если бы, однако, эти события стали тогда известными, их, несомненно, сочли бы достойными осуждения. Прежде всего Польша была старейшим союзником Великобритании во второй мировой войне, и Лондон, в конце концов, объявил войну Германии в 1939 г. ради Варшавы. Но ситуация 1945 г. оказалась иной. Польша была лишь одним союзником из многих, к тому же одним из самых «трудных» из-за своих почти постоянных споров с восточным соседом – Советским Союзом. Кроме того, лишь немногие англичане имели ясное представление об этнографии Восточной Европы. Совсем немногие знали, что население бывших восточных провинций Польши состояло *не* только из украинцев, литовцев и белорусов. Таким образом, в 1945 г. большинству англичан было достаточно знать только, что какая-то Польша будет преобразована. А что это за Польша? И какова будет форма изменений? Эти вопросы обсуждались редко.

С изгнанными немцами дело обстояло совершенно по-другому. На эту тему почти каждый имел свое мнение, и большинство англичан вовсе не было склонно к сожалению. Начальник генерального штаба Англии фельдмаршал Брук писал в своем дневнике: «Теперь немцев заставили ощутить все те беды, которые они принесли другим»¹⁵. Заместитель премьер-министра Эттли полагал, что, «если немцам теперь приходится страдать», то «у них нет причины жаловаться»¹⁶.

---

¹⁵ Field Marshall Alan Brooke, 16 July 1945, *War Diaries 1939-45*, A. Danchev, D. Todman (Hrsg.) London 2001, p. 706.

¹⁶ Address to the House of Commons, 1st March, 1945, цит. по: K. Harris, *Attlee*, London 1982, p. 246.

Премьер-министр Черчилль выразил сходное мнение. Обращаясь к своим слушателям, он был тверд, даже безжалостен. Он заявил, выступая в британском парламенте, что полное изгнание немцев [из Восточной Европы]... является наиболее удовлетворительным и надежным средством для того, чтобы избежать бесконечных неприятностей»¹⁷.

С другой стороны, в узком кругу Черчилль признавал, что считал изгнание отвратительным, хотя и необходимым процессом. Он говорил, что ненависть к немцам умерла с их капитуляцией¹⁸. Он писал жене: «Мое сердце тронутно страданиями множества немецких женщин и детей. Хотя я и убежден, что они заслужили такое положение, но это не значит, что на него можно просто закрыть глаза. Бедствия приводят меня в отчаяние»¹⁹.

Других англичан больше заботили побочные результаты изгнания. Против него было, например, британское военное министерство, обеспокоенное хаотической социальной ситуацией, которая могла возникнуть в послевоенной Германии. За эту ситуацию приходилось отвечать союзным оккупационным властям. Других беспокоила просто техническая сторона осуществления изгнания. Никогда прежде не было попыток переселения таких масс людей. Министра информации Брендена Брэкена тревожило возможное воздействие событий на общественное мнение в Великобритании, в особенности в том случае, если не удастся осуществить изгнание упорядоченно и без инцидентов²⁰. Министр иностранных дел Иден беспокоился о последствиях изгнания для Польши. «Попытка [поляков] получить значительную часть немецкой территории, – заявил он, – вызвала бы затруднения»²¹.

---

¹⁷ Churchill in House of Commons, 15 December, 1944. Цит. по: K.D. Henke, 'Die Alliierten und die Vertreibung' in W. Benz (ed.), *Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten*, Frankfurt am Main 1985, S. 68.

¹⁸ M. Gilbert, *Churchill - a life*, London 1991, p. 850.

¹⁹ *Ibidem*, p. 816.

²⁰ H. Feis, *Churchill, Roosevelt, Stalin*, London 1957, p. 523

²¹ A. Eden, *The Eden Memoirs: The Reckoning*, London 1965, p. 545.

Таким образом, англичане, несмотря на убежденность в виновности немцев, были озабочены возможными последствиями изгнания. Они хотели не мира, основанного на мести, но поддерживали идею восстановления Европы на началах разума – во избежание возникновения проблем в будущем. В эту схему не входили изгнания, как их представлял себе Сталин. Черчилль подвел итог: «Для будущего мира в Европе изгнание было ошибкой такого масштаба, что проблемы Эльзаса-Лотарингии и польского коридора представлялись рядом с ним маловажными»²²

Каких изменений попытались добиться англичане? Во-первых, Черчилль предпринял попытку уменьшить численность подлежащих изгнанию. Он предложил, чтобы часть уже бежавших немцев получила разрешение вернуться, хотя это, конечно, и противоречило согласованному принципу изгнания. Черчилль говорил впоследствии: «Мы не могли примириться с переселением столь большого количества немцев, как и поляков из Восточной Польши...мы говорили, два-три миллиона еще куда ни шло, но выдворение восьми или девяти миллионов немцев... означало слишком большую цифру и было совершенно несправедливо»²³.

Он предпринимал также настойчивые попытки уменьшить объем территориальных уступок Польше. В этом отношении, однако, Черчилль достиг лишь скромных успехов. Коммюнике Ялтинской конференции было сформулировано намеренно расплывчато и упоминало лишь, что Польша должна получить «существенное приращение территории на севере и на западе»²⁴. Черчилль настаивал на том, что окончательное определение западной границы Польши следует отложить до мирной конференции. Он понимал, что против Сталина он в значительной степени бессилен, но не хотел, чтобы Советский Союз ставил его перед совершившимися фактами.

---

²² W. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, London 1954, p. 561.

²³ Цит. по: de Zayas, *op.cit.*, S. 122.

²⁴ *Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник...* – С. 191.

В Ялте Черчилль вновь выразил свою озабоченность размерами территориальных уступок Польше. Эти сомнения порождались не особой благосклонностью английского премьер-министра к немцам, а реальной озабоченностью последствиями изгнания в гуманитарной сфере, в том числе и для послевоенной Польши. «Было бы очень прискорбно, – говорил он, – если бы мы так плотно обкормили польского гуся немецкой пищей, что он умер бы от несварения желудка»²⁵. Несмотря на ожесточенные дискуссии, решение не было принято.

В Потсдаме произошло почти то же, что и в Ялте. Английская делегация жаловалась на временный характер польской западной границы, проходившей вдоль (западной) Нысы-Лужицкой²⁶. Она требовала, чтобы Бреслау (Вроцлав) и Штеттин (Щецин) остались за Германией. Поэтому они предлагали, чтобы западную границу Польши образовали реки Одер и восточная Глацкая Ныса. Это означало бы, что Вроцлав оказался бы разделенным городом, так как левый берег Одера принадлежал бы Германии, а правый – Польше. Вопрос «Глацкая Ныса или Ныса-Лужицкая» был для Черчилля не абстрактным принципом или картографической частностью. Речь шла, по его мнению, «о жизни и смерти трех миллионов изгнанных»²⁷.

Черчилль, по словам Идена, никогда не соглашался с проведением границы по Нысе-Лужицкой²⁸. Против этого выступал и Иден. Он писал в своих мемуарах: «Я был убежден в том, что польская западная граница не должна проходить существенно западнее Восточной Нысы. Мне было бы куда более по сердцу, если бы она оказалась даже сдвинутой дальше к востоку от этой линии»²⁹. Согласие Черчилля с проведением границы по Одре предлагалось для того, чтобы убедить коммунистов в приемлемости сотрудничества с лондонским правительством в изгнании. Но это не дало никаких результатов – лондонскому

---

²⁵ M. Gilbert, *op.cit.*, p. 819.

²⁶ *Ibidem*, p. 852.

²⁷ W. Churchill, *op.cit.*, p. 581.

²⁸ *Ibidem*, p. 516.

²⁹ *Ibidem*, p. 545.

правительству было отказано в признании, а польские коммунисты требовали в любом случае проведения границы по Одру. Возможностей действия не было.

Черчилля поставили в дурацкое положение. В отчаянии он даже предложил поговорить с Болеславом Берутом, чтобы понять, не сможет ли последний воздействовать на Сталина в этом вопросе³⁰. Но ничего не помогало. Берут был всего лишь марионеткой Сталина, не обладавшей никакими возможностями воздействия на генералиссимуса. Сталин же твердо решил предписать проведение границы по Нысе-Лужицкой.

Единственный курс, остававшийся возможным для Черчилля, заключался в том, чтобы спровоцировать Сталина открыть карты³¹. Он как раз и намеревался повоевать с советским правительством³². Но вскоре из Лондона пришло известие о поражении Черчилля на парламентских выборах. В Потсдам он не вернулся. Его протесты были оставлены без внимания. Заставить Сталина выложить карты на стол не удалось. Сталин мог единолично решать, как будут выглядеть западная и восточная границы Польши.

Почему, если учитывать обеспокоенность, проявленную англичанами в Потсдаме, они не смогли изменить что бы то ни было? Во-первых, Англия была слабейшей среди трех великих держав. Ее сказочная стойкость в 1940 г. имела важное значение, но решение о том, каким быть новому миру, приняли США и СССР. Хотя англичане и сидели за столом конференции в составе «большой тройки», они потеряли значение великой державы. Обанкротившаяся и истощенная, Англия превращалась в государство среднего ранга. Один из членов британской делегации осознавал это бессилие. Он вспоминал: «Мы отдавали себе отчет в том..., что у нас было слишком мало информации о происходившем в Восточной Европе и что мы едва ли можем сделать что-либо, чтобы

---

³⁰ М. Gilbert, *op.cit.*, p. 853.

³¹ К. Harris, *op.cit.*, p. 267.

³² У.Черчилль. *Вторая мировая война*. – Т. 6. М., – 1998. – С. 212.

повлиять на ход вещей»³³. Представление о ситуации дает следующий анекдот. Во время Потсдамской конференции Сталин, несмотря на свое пристрастие к трубке, как-то раз закурил сигару. Черчилль пошутил, мол, «мир подумает, что здесь все дело в моем влиянии»³⁴. Сталин только посмеялся – он знал, что это только шутка. Он знал также, что это было едва ли не единственное влияние, которое Черчилль мог оказать на него.

Во-вторых, Черчилль испытывал определенную симпатию к Польше и сочувствовал этой стране. Его удручала неудача попыток посредничества между Сталиным и правительством в изгнании. В Ялте и Потсдаме он много времени посвятил борьбе за политические свободы для новой Польши. Он чувствовал себя в долгу перед поляками и хотел обеспечить им какую-либо компенсацию за многолетнюю поддержку с их стороны. Поэтому его протесты против западной границы Польши были несколько противоречивы. Черчилль соглашался с принципом перенесения границы Польши на запад, но его заботила степень расширения польской территории.

Два других фактора ослабляли, однако, позицию Черчилля. Прежде всего он сам полагал, что его свержение способствовало неудаче попыток западных держав создать общий фронт против Сталина. Он с горечью писал, что «разрушение национального правительства и мое удаление со сцены... сделали невозможным достижение удовлетворительных решений»³⁵.

Во-вторых, он, вероятно, и смог что-либо изменить, если бы этому содействовали американцы. Но американцы, несмотря на свою озабоченность, тоже были не в состоянии изменить хоть что-либо. В Ялте смертельно больной Рузвельт был удручен, а Трумэн в Потсдаме, хотя и был полон *bonomie* (добродушие. – франц. Прим. перев.), но не готов спровоцировать пробу сил со Сталиным. Он настоятельно нуждался в помощи

---

³³ Сэр Денис Аллен, цит. по: de Zayas, *op.cit.*, S. 123.

³⁴ Цит. по: S.S. Montefiore, *Stalin: the Court of the Red Tsar*. London 2003, p. 441.

³⁵ W. Churchill, *op.cit.*, p. 582.

СССР для окончательной схватки американцев с японцами на тихоокеанском театре войны.

Черчилля время от времени критиковали за то, что он не защищал в 1945 г. свои интересы более активно. Такой подход, однако, весьма некорректен. При данных условиях Черчилль сделал все, что смог. Но, кроме объявления войны Советскому Союзу (совершенно нереалистичная идея), он был просто не в состоянии каким-либо другим способом повлиять на ситуацию.

Ранее уже упоминалось, что Черчилля беспокоили изгнания. Хотя премьер-министр и сам думал, что эти меры оправданы, он боялся реакции английской общественности. В Ялте он заявил, что «в Англии есть значительные круги общественности, которых просто шокирует мысль о насильственном переселении миллионов людей»³⁶ и добавил: «Останется моральный вопрос, который мне придется урегулировать с моим собственным народом»³⁷.

Общественное мнение в Англии после войны оказалось расколото. Меньшинство считало изгнание «морально невозможным» или «слишком жестоким, чтобы его могло осуществлять гуманная нация»³⁸. Другие сетовали на «отказ людям в их правах»³⁹ и предвидели, что изгнание «создаст предпосылки новой войны, продиктованной мстью»⁴⁰.

Напротив, подавляющее большинство считало изгнания хотя и жестокими, но заслуженными и справедливыми. Аргумент большинства заключался в том, что немцы дважды на протяжении жизни одного поколения опустошили Европу, и теперь они должны сами пострадать ради окончательного разрешения «германского вопроса».

---

³⁶ У. Черчилль, *указ. соч.* – С. 211.

³⁷ Там же. – С. 212.

³⁸ *The Times* (London), Letter, 2 January, 1945.

³⁹ *The Times* (London), House of Lords report, Bishop of Chichester, 30 January, 1946.

⁴⁰ *The Times* (London), House of Lords report, Earl of Darnley, 30 January, 1946.

Черчилль играл в этой дискуссии важную роль. В качестве нового лидера оппозиции он мог после Потсдама свободно высказывать свое мнение по данной теме. Черчилль воспользовался возможностью предупредить новое правительство. «Несмотря на победу в Европе, – заявил он, – сохраняются серьезные вопросы». Новая западная граница Польши не была «добрым предзнаменованием для будущего мира в Европе». Говоря об изгнаниях, он опасался, что «зарождается трагедия невероятного масштаба»⁴¹.

Правительство жестко реагировало на такую критику. «Нам жилось довольно комфортно, – сказал новый премьер-министр Эттли. – У нас не было Лидице и нам не пришлось смотреть, как наши жены и дети строятся в очереди для отправки в газовую камеру». «Изгнания, – продолжал он, – были необходимы... и было бы невозможно транспортировать столь большие группы населения без серьезных лишений и страданий». И, резюмируя, Эттли заявил: «Те же, кто выступали против изгнания, не служили делу мира»⁴². Это мнение было гораздо ближе к позиции британской общественности, нежели мнения критиков, и тем самым дискуссия оказалась почти завершенной. Появились новые проблемы и вызовы, что могло бы обречь вопрос об изгнаниях на постепенное забвение.

Таким образом, тема изгнания оказалась почти полным табу в последние десятилетия XX в. Дело было не в сознательном замалчивании, а в том, что она едва ли отвечала интересам английских ученых, в том числе историков. В 2002 г. ситуация была иной. Катализатором стала публикация ряда книг, в том числе «Траектории краба» Гюнтера Грасса, в которых немцы были впервые представлены не только преступниками, но и жертвами войны. Внезапно любимой темой либеральных средств массовой информации стала не Германия нацистов, а Германия «Вильгельма Густлова», изгнаний и

---

⁴¹ *The Times* (London), House of Commons report, Winston Churchill, 16 August, 1945.

⁴² *The Times* (London), House of Commons report, Clement Attlee, 30 January, 1946.

жертв террористических бомбардировок. Статьи и эссе говорили о «забытых жертвах»⁴³ войны и «черных дырах» в немецкой истории. А затем, по истечении нескольких недель, интерес к теме снова был утрачен. Вероятно, интеллигенция Великобритании чему-то научилась. Было, вероятно, достигнуто полезное сбалансирование стереотипа восприятия немцев. Но, конечно, это не было историографической революцией. Для подавляющего большинства англичан немцы, как и прежде, остаются преступниками эпохи второй мировой войны, а не жертвами этой войны. Польские жертвы изгнания из *кресов*, кстати, в основном пребывали в неизвестности и не упоминались.

Фактом остается, что изгнания 1945 г. едва ли затронули воображение британцев. Вопреки тому, что Англия сейчас является одним из крупнейших рынков научных и менее научных книг о Третьем рейхе и второй мировой войне, изгнания остались недостаточно исследованными. Хотя тема и остается захватывающей, она до сих пор едва ли привлекла какого-либо английского публициста или историка. Несмотря на то, что тема иногда появляется между делом в других публикациях, специально изгнанию посвящена едва ли хотя бы одна книга на английском языке. Поэтому очень трудно говорить об «английском взгляде на изгнание». Проще говоря, его нет. Можно было бы сказать, что давно уже настало время для формирования такого взгляда.

С немецкого перевел В. Брун-Цеховой
(перевод неавторизованный)

---

⁴³ J. Cowley, *Forgotten Victims*, The Guardian, March 27, 2002.